

ПРИНЦИП СПРАВЕДЛИВОСТИ И ДЕЙСТВИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА В ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованию принципов действия уголовного закона в пространстве и их соотношению с принципом справедливости. Принципы действия уголовного закона в пространстве построены таким образом, что на лицо, совершившее преступление, может распространяться юрисдикция сразу нескольких государств. Справедливость как базовый правовой принцип в применении к уголовному праву заключается в том, что виновный в совершении преступления наказывается адекватно общественной опасности совершенного деяния и степени вины. Представление о виновности и адекватности воздаяния за совершенное преступление в разных странах может существенно различаться, соответственно этому может отличаться и юридическая оценка совершенного деяния. Таким образом, требование УК РФ о безоговорочном признании судебного решения иностранного государства (в соответствии с принципом гражданства и реальным принципом) как юридического факта, прекращающего возможность уголовного преследования по УК РФ, может оказаться препятствием для вынесения справедливого (в соответствии с УК РФ) приговора. Универсальный принцип налагает на Россию обязанность бороться с преступлениями, которые предусмотрены международным договором Российской Федерации или иным документом международного характера, однако непонятно, допустимо ли распространять применение этого принципа на лиц, совершивших такие деяния в стране, не признающей их преступлениями, если они являются гражданами этой страны. Международно-правовые акты, определяющие механизмы борьбы с преступлениями, могут быть весьма далеки от совершенства. В то же время Россия в Конституции РФ закрепила обязательства признания приоритета международно-правовых актов по сравнению с внутренним законодательством. Необходимость признания подчинения внутреннего законодательства международному праву в настоящее время отсутствует, поскольку такое признание является прямым ограничением суверенитета России, которая в таких ограничениях не нуждается.

Ключевые слова: справедливость, территориальный принцип, принцип гражданства, реальный принцип, универсальный принцип, международный договор, приоритет норм, юрисдикция, ограничение права, суверенитет.

**Дмитрий Михайлович
МОЛЧАНОВ,**

кандидат юридических
наук, доцент
кафедры уголовного
права Московского
государственного
юридического
университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)
9700608@list.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2018.52.12.095-104

D. M. MOLCHANOV,*PhD (Law), Associate Professor, Associate Professor
of the Department of Criminal Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)***9700608@list.ru***125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9*

THE PRINCIPLE OF JUSTICE AND THE CRIMINAL LAW IN SPACE

Abstract. *This article is devoted to the study of the principles of the criminal law in space and their relationship with the principle of justice. The principles of the criminal law in space are constructed in such a way that the jurisdiction of a few states can be extended to the person who committed the crime. Justice, as a basic legal principle, as applied to criminal law, is that a person guilty of committing a crime is punished adequately with the public danger of the committed act and the degree of guilt. The idea of guilt and the adequacy of retribution for the crime committed in different countries can vary significantly, and accordingly, a legal assessment of the committed act may differ. Thus, the requirement of the Criminal Code of the Russian Federation on unconditional recognition of a judicial decision of a foreign state in accordance with the principle of citizenship and the real principle, as a legal fact, stopping the possibility of criminal prosecution under the Criminal Code of the Russian Federation may prove an obstacle to a fair (in accordance with the Criminal Code) sentence. The universal principle imposes on Russia the duty to fight offenses that are stipulated in the international treaty of the Russian Federation or other international document, but it is not clear whether it is permissible to extend the application of this principle to persons who committed such acts in a country that does not recognize them as crimes if they are citizens of this countries. International legal acts that determine the mechanisms for combating crimes can be very far from perfect. At the same time, Russia has enshrined in its Constitution the obligations to recognize the priority of international legal acts in comparison with domestic legislation. The need to recognize the subordination of domestic legislation to international law is currently lacking, since such recognition is a direct restriction of Russia's sovereignty, which does not need such restrictions.*

Keywords: *justice, territorial principle, principle of citizenship, real principle, universal principle, international treaty, priority of norms, jurisdiction, restriction of right, sovereignty.*

В зависимости от характера совершенного преступления, места его совершения и юридической принадлежности преступника к определенному государству (гражданство, подданство, вид на жительство и пр.) на него может распространяться юрисдикция сразу нескольких государств. Приведем несколько

понятий термина «юрисдикция», существующих в науке международного права, которые позволят определить его объем для целей настоящей статьи.

И. И. Лукашук дает такое определение: «Юрисдикция вытекает из суверенитета государства и означает его законодательную, судебную и административную власть, ее объем и сферу действия»¹. В. Лоув пишет так: «Юрисдикция — термин, определяющий границы правовой компетенции государств... по созданию и применению правовых норм, регулирующих поведение лиц»². М. Шо понимает юрисдикцию как «власть государства воздействовать на лиц, собственность и события, которая отражает основополагающие принципы суверенного равенства государств и невмешательства во внутренние дела других государств»³.

Итак, сразу несколько стран, обладающих суверенным равенством по отношению друг к другу, могут иметь право на привлечение какого-либо субъекта к уголовной ответственности. Пределы же ответственности за совершенное преступление в разных странах могут иметь очень существенные различия. Не исключена возможность того, что деяние, являющееся преступлением в одной стране, в другой стране не признается таковым, а может, влечет иной вид ответственности (например, административную).

Как известно, УК РФ не предусматривает повторного привлечения к уголовной ответственности за одно преступление, а потому и реализация уголовной ответственности по законодательству иного государства исключает возможность повторного уголовного преследования по УК РФ.

Это означает, что в случае вынесения приговора в иностранном государстве уголовная ответственность за преступление, подпадающее под юрисдикцию России, может оказаться либо значительно ниже, либо значительно выше по сравнению с УК РФ. При этом экстрадиция преступника и фактическое отбытие наказания в России не предполагает возможности изменения объема ответственности, определенного приговором, вынесенным в иностранном государстве.

Унификация уголовных законодательств разных государств вряд ли возможна в ближайшей исторической перспективе, а потому независимо от того, что объемом ответственности может оказаться явно несопоставимым по законодательству разных стран, происходит формальное признание приговора иностранного государства, и лицо считается понесшим уголовную ответственность.

Вместе с тем это не вполне согласуется с задачами УК РФ, которые заключаются в охране общественных отношений, включенных в общий объект уголовно-правовой охраны, и предупреждении преступлений, а также с принципом справедливости, который требует решения этих задач на основе соответствия характера и степени опасности совершенного преступления и объема уголовной ответственности.

Справедливость наказания, отраженного в приговоре, — не столько правовая, сколько нравственная оценка. Нормы закона, не учитывающие нравственную оценку обществом последствий их применения, вполне могут оказаться формально законными, но по сути несправедливыми.

¹ Лукашук И. И. Международное право. Общая часть. М., 2005. С. 252.

² Evans Malcolm D. International Law. Oxford University Press, 2003. P. 329.

³ Shaw Malcolm N. International Law. Fifth ed. Cambridge University Press, 2003. P. 572.

Дальнейшие рассуждения будут строиться исходя из понимания российского уголовного законодательства как своего рода идеальной модели, не вступающей в противоречие с нравственными нормами⁴, а следовательно — стремящегося в итоге к восстановлению справедливости, нарушенной совершенным преступлением.

Исходя из этой идеальной модели, во-первых, в соответствии с Уголовным кодексом преступления признаются лишь крайне опасные деяния, а во-вторых, каждому такому деянию соответствует не произвольно определенный, а необходимо адекватный объем ответственности.

Допустим, нам удалось создать нашу идеальную модель закона, который устраивает, если не всех, то, во всяком случае, подавляющее большинство. Может быть, наш закон не нравится соседним странам, может быть, он не нравится вообще ни одной стране в мире. Но наш народ обладает суверенным правом иметь именно такой закон. И мы распространяем действие нашего закона на всю нашу территорию, на всех наших граждан, независимо от места совершения преступления, на любое лицо, не являющееся нашим гражданином, но совершившее преступление вне пределов России против интересов нашей страны или наших граждан⁵.

В действующей редакции УК РФ существуют такие ограничения этого права России: безоговорочное признание «решения суда иностранного государства» в отношении граждан РФ и постоянно проживающих в Российской Федерации лиц без гражданства, совершивших преступление за пределами Российской Федерации (ч. 1 ст. 12 УК РФ), и отказ от уголовного преследования иностранцев и лиц без гражданства (в соответствии с реальным принципом), если они «были осуждены в иностранном государстве» (ч. 3 ст. 12 УК РФ).

Следует обратить внимание, что из буквального толкования формулировок ч. 1 и ч. 3 ст. 12 следует, что в части 1 не говорится об осуждении, а следовательно, УК декларирует признание любого решения (в том числе и оправдательного приговора), в то время как в ч. 3 говорится именно об «осуждении», т.е. об обвинительном приговоре. Нельзя утверждать, что положения ч. 3 ст. 12 не могут быть

⁴ Это не соответствует реальному положению вещей, хотя и российский уголовный закон, как и законы иных стран, не является безупречным в плане соотношения с законом нравственным, поскольку в отдельных случаях вступает с ним в противоречие.

⁵ Универсальный принцип оставим пока за скобками, поскольку он касается случаев, когда совершенное преступление может не иметь вообще никакого отношения к России, поскольку совершается за ее пределами лицами, не имеющими гражданства и постоянно не проживающими на ее территории, и не направлено ни против интересов России, ни против интересов ее граждан. Универсальный принцип, в отличие от всех остальных, определяющих суверенное право России в отношении своих граждан и своей территории, имеет несколько иную направленность. Он является принципом взаимопомощи: Россия обязуется помогать другим государствам в борьбе с определенными преступлениями, используя для этого механизм своего уголовного законодательства, рассчитывая на такую же помощь со стороны других стран. Вместе с тем некоторые вопросы возможного применения УК РФ в соответствии с универсальным принципом будут затронуты в дальнейшем в той части, в какой это имеет отношение к теме исследования.

истолкованы расширительно, однако из буквального толкования ч. 3 следует, что Россия оставляет за собой право не признавать оправдательный приговор и привлечь необоснованно оправданное лицо к уголовной ответственности.

Что касается территориального принципа, то ст. 11 УК РФ не содержит никаких оговорок о том, будет ли Россия признавать судебное решение иностранного государства в случае, например, осуждения или оправдания лица, совершившего преступление на территории России, а затем подвергнутого уголовному преследованию в ином государстве в связи с тем, что оно является либо гражданином этого государства, либо им совершено преступление против гражданина этого государства, либо им совершено какое-либо конвенционное преступление. В этом случае, вероятно, может быть применен общий принцип справедливости (ч. 2 ст. 6 УК РФ), запрещающий уголовное преследование дважды за одно и то же преступление. Вместе с тем, очевидно, ч. 2 ст. 6 не может применяться в отрыве от положений ч. 1 ст. 6, а значит, неадекватный объем уголовной ответственности в соответствии с приговором иностранного государства вполне можно рассматривать как отсутствие уголовной ответственности.

Необходимость и целесообразность такого подхода будет нами рассмотрена далее, пока же напомним, что в первоначальной редакции УК российский законодатель посчитал возможным сузить сферу действия УК в еще большей степени: в ч. 1 ст. 12 УК существовало прямое ограничение юрисдикции Российской Федерации в отношении граждан РФ, совершивших преступления за пределами России. Во-первых, требовалось, чтобы деяние признавалось преступлением в той стране, где оно было совершено, а во-вторых, максимальное наказание ограничивалось верхним пределом санкции, установленным уголовным законом той страны, где преступление было совершено. Поэтому, например, если бы гражданин РФ (некто, сродни главному персонажу известного романа В. Набокова), находясь на территории государства, где так называемый «возраст согласия» составляет 14 лет, совершил бы половое сношение с 14-летней девочкой (тоже гражданкой России), с которой он именно для этой цели в эту страну и отправился, привлечь его к уголовной ответственности по УК РФ не представлялось бы возможным.

В действующей редакции УК РФ нет таких прямых ограничений. Тем не менее признание любого приговора иностранного государства в качестве юридического факта, исключающего возможность дальнейшего уголовного преследования, может оказаться существенным ограничением на вынесение преступникам справедливого (в соответствии с УК РФ) наказания.

В развитие приведенного примера надо сказать, что защита детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений является предметом международных соглашений.

В пункте 1 ст. 18 Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений (заклучена в г. Лансароте 25.10.2007) указывается, с какого рода сексуальными злоупотреблениями следует бороться: «а) занятие деятельностью сексуального характера с ребенком, который, согласно соответствующим положениям национального законодательства, не достиг установленного законом возраста для занятия деятельностью сексуального характера; б) занятие деятельностью сексуального характера с ребенком, когда:

используются принуждение, сила или угрозы; или имеет место злоупотребление признанным доверием, властью или влиянием на ребенка, в том числе внутри семьи; или имеет место злоупотребление особо уязвимым положением ребенка, в частности в силу его ограниченных умственных и физических возможностей или в случае его зависимого положения».

В статье 3 дается определение понятия «ребенок»: «любое лицо в возрасте до 18 лет».

Однако из п. 2. ст. 18 следует, что стороны заключили соглашение беспредметное, поскольку минимальный возраст, до достижения которого запрещено вступать в действия сексуального характера с ребенком, не определен в Конвенции, а определяется каждой из сторон. Так о чем же тогда договорились стороны? Они договорились всего лишь о том, что и так очевидно: лицо, достигшее 18 лет, ребенком не является. А кто является? Это непонятно. Если, например, одна из сторон определяет, что по достижении 11 лет допускаются любые сексуальные контакты, что это означает с точки зрения действующего законодательства России? Это означает очень простую вещь: Россия заключила соглашение «О защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений» со страной, в которой абсолютно законными являются действия, которые в соответствии с УК РФ влекут наказание от 12 до 20 лет лишения свободы (см. п. «б» ч. 4 ст. 131 и примечание к ст. 131 УК РФ)⁶.

Интересно будет уяснить применительно к этому и действие универсального принципа, который предполагает право⁷ России привлекать к уголовной ответственности иностранцев, совершивших преступления, борьба с которыми является предметом международных соглашений с участием Российской Федерации⁸. В этой связи можно рассмотреть несколько ситуаций.

Как должен решаться вопрос об уголовной ответственности иностранных граждан тех стран, которые не присоединились к Конвенции и законодательство которых совсем иначе регулирует вопросы сексуальной эксплуатации детей? Надо ли их действия, совершенные на территории этих стран в отношении детей, которые являются их согражданами, не являющиеся преступлением по их внутреннему

⁶ Это утверждение надо рассматривать в гипотетическом плане. Даже если сейчас такой страны, участвующей в Конвенции и нет, то никто не мешает ее появлению в будущем. В настоящее время во многих странах этот возраст составляет 14 лет.

⁷ Из самого текста УК РФ следует, что это, пожалуй, даже не право, а обязанность России, поскольку в ч. 3 ст. 12 УК РФ говорится, что иностранцы подлежат уголовной ответственности «в случаях, предусмотренных международным договором Российской Федерации или иным документом международного характера, *содержащим обязательства*» (курсив мой. — Д. М.), признаваемые Российской Федерацией, в сфере отношений, регулируемых настоящим Кодексом».

⁸ В соответствии с пп. «е» п. 1 ст. 25 Конвенции юрисдикция страны не может распространяться на лиц, не являющихся гражданами этой страны, если они не могут быть отнесены к числу лиц, «обычно проживающих на ее территории». Однако сам этот термин в Конвенции не раскрыт. Очевидно, к таким лицам могут относиться и иностранцы, и лица без гражданства, проживающие на территории России более или менее продолжительное время.

законодательству, но являющиеся преступлениями по внутреннему уголовному законодательству стран, участвующих в Конвенции, рассматривать как преступления и привлекать их к уголовной ответственности, например, в России, если такой субъект относится к «обычно проживающим» на территории России?

Надо ли привлекать к уголовной ответственности граждан стран, участвующих в Конвенции, совершивших на территории этих стран в отношении детей, являющихся их согражданами, действия, которые по их внутреннему законодательству не являются преступлениями, поскольку «возраст согласия» установлен, например, с 11 лет? Если такой субъект окажется на территории России, по законодательству которой такое действие является особо тяжким преступлением, должен ли быть применен универсальный принцип?

Есть ли принципиальное отличие этих двух вариантов?

Большого отличия, по всей вероятности, нет, поскольку, независимо от участия в Конвенции, внутреннее законодательство этих государств не признает преступными действия, которые по законодательству иных стран, участвующих в Конвенции, могут быть преступлениями.

Но как же все-таки должен решаться вопрос о применении УК РФ в таком случае? Должна ли распространяться юрисдикция России на весь мир только потому, что Российская Федерация присоединилась к международному соглашению по борьбе с такого рода преступлениями, независимо от того, что само совершенное преступление никак не связано с гражданами России и с ее территорией⁹? Если буквально применять положения универсального принципа — должна. Однако представляется, что такое решение будет неверным. Справедливость наказания в уголовном праве определяется не только соразмерностью вреда и воздаяния, но и виной лица, совершившего преступление. Поэтому, какими бы безнравственными и противоправными (с позиций УК РФ) ни были деяния, совершаемые гражданами других стран на своей территории, Россия вряд ли имеет право на уголовное преследование таких лиц.

Исключением из этого правила может быть случай, когда такое преступление затрагивает интересы какой-либо иной из стран, участвующих в Конвенции. Тогда справедливость применения универсального принципа может обуславливаться теми же основаниями, что и применение реального принципа или принципа гражданства. Основанием для их применения является, во-первых, защита своих граждан от преступных посягательств, независимо от того, на территории какого государства они были совершены, а во-вторых, запрет своим гражданам совершать преступления, предусмотренные внутренним законодательством, независимо от того, в какой стране они пребывают.

⁹ Заметим, что в науке существуют разные определения принципа универсальности. Его существенные признаки раскрыты достаточно полно в таком определении: «Универсальная юрисдикция — это предписательная юрисдикция над преступлениями, совершенными за границей лицами, которые во время совершения противоправного деяния не являлись ни резидентами, ни гражданами предписывающего государства и деяния которых не являются угрозой для фундаментальных интересов государства, осуществляющего подобный вид юрисдикции» (O'Keefe R. Universal Jurisdiction: Clarifying the Basic Concept // Journal of International Criminal Justice. September 2004. P. 745).

В любом случае оба эти принципа основаны на приоритете внутреннего законодательства над законодательством иных стран. И логично предположить, что в случае, когда страны договариваются о совместной борьбе с какими-либо преступлениями, они не стремятся отказаться от своего суверенного права применять национальный уголовный закон в полном объеме на своей территории, в отношении своих граждан, независимо от места их нахождения, и в отношении любых лиц, не являющихся гражданами, но нарушающих права граждан или интересы страны.

Исходя из этого действие универсального принципа должно распространяться на те преступления, которые, хотя и совершены на территории государства, не признающего такие деяния преступлениями, но совершенные либо в отношении граждан иных стран, где такие деяния признаются преступными, либо самими гражданами этих стран. Если, например, гражданин страны А (где половое сношение с детьми, не достигшими 12 лет, является преступлением), находясь в стране Б, совершил такие действия с гражданкой страны Б (где такое деяние преступлением не признается), Россия вправе, в соответствии с универсальным принципом привлечь его к уголовной ответственности, поскольку это соответствует интересам страны А, которая наряду с Россией является участницей Конвенции.

Точно так же возможно решить вопрос и в том случае, если гражданка страны А является потерпевшей от действий гражданина страны Б. В то же время любые действия граждан страны Б, совершаемые ими в отношении своих сограждан и являющиеся преступлением по УК РФ, но не являющиеся преступлением в соответствии с уголовным законодательством страны Б, мы можем признать лишь неизбежным злом, которое тем не менее не требует юридического вмешательства со стороны России.

Принципиальное несогласие с внутренней политикой другой страны предполагает неприменение метода «комариных укусов», когда к уголовной ответственности привлекаются отдельные граждане, оказавшиеся по каким-то причинам в поле досягаемости российского правосудия (и не вполне понимающие, за что их привлекают к уголовной ответственности), а методы более радикальные, которые применяла Россия, например, в XIX в., когда объявила войну Османской империи (1877—1878), поскольку была не согласна с тем, как турки относились к христианскому населению своей страны. Но это тема совсем другого исследования.

Итак, на примере частично исследованной нами выше Конвенции, можно сделать вывод, что даже на уровне международных соглашений страны часто оказываются неспособными к внятному определению предмета договоренностей. И это означает, что при отсутствии таких недвусмысленных договоренностей могут существовать самые разнообразные подходы к оценке общественной опасности деяний в разных странах. УК РФ не устанавливает каких-либо приоритетов и в равной мере признает вступившее в законную силу судебное решение другого государства как основание для прекращения уголовного преследования того лица, в отношении которого такое решение состоялось.

А почему это должно быть так? Можем ли мы априори утверждать, что уголовный закон любого иного иностранного государства так же справедлив, как уголовный закон России? Должны ли мы принимать во внимание те различия, которые существуют в понимании справедливого и несправедливого в разных

странах? Если, например, иностранец в своей стране совершает правомерное действие (в соответствии с уголовным законом своей страны) в отношении гражданина России, которое по законам России является преступлением, справедливо ли будет привлечь его к уголовной ответственности по УК РФ, если он окажется в нашей стране?¹⁰ Ответить на этот вопрос возможно лишь в том случае, если к оценке справедливости применяются одинаковые этические критерии. Если же мы допускаем равноправное существование взаимоисключающих нравственных оценок, то сама постановка вопроса становится бессмысленной.

И тогда надо задаться вопросом: а существует ли в современном мире универсальная шкала нравственных ценностей, которой безоговорочно придерживались бы все страны? И если ответ будет отрицательным, тогда логично было бы исходить из того (как это делают, например, Соединенные Штаты Америки), что приоритет в оценке хорошего и плохого, нравственного и безнравственного, справедливого и несправедливого принадлежит России, а все законы иностранных государств, их судебные решения, а также международные правовые акты признаются нами лишь в части, не противоречащей внутреннему законодательству России.

Надо наконец понять, что ч. 4 ст. 15 Конституции России, определяющая приоритет международных договоров, не является каким-то очень важным достижением русской правовой мысли, а всего лишь одно из существенных положений, навязанных России извне и закрепленных в Конституции в период беспрецедентной слабости государственной власти в Российской Федерации. Признание приоритета одних норм над другими оправдано лишь в том случае, если понятны основания для признания такого приоритета.

Иными словами, чтобы говорить о приоритетах, необходимо понять сущностное превосходство одного над другим. Если, например, в Древнем Израиле признавали Закон Моисея как Божественное Откровение, то понятно, что любые человеческие установления в области права не должны противоречить Закону Моисея. Это логично, поскольку источники законов несопоставимы по значимости. А международное право и внутреннее законодательство России — вполне равнозначные предметы: человеческое творчество. Руководствоваться нормами международного права во внешней политике не только оправданно, но и необходимо (при наличии нескольких полюсов реальной силы), поскольку иначе неизбежны хаос и то состояние, которое Т. Гоббс называл война всех против всех (*bellum omnium contra omnes*)¹¹.

Во внутренней же политике признание приоритета норм международного права — ничто иное, как добровольный отказ от части своего суверенитета. Сегодня для России в этом нет необходимости. А потому и в отношении принципов дей-

¹⁰ Если спросить иначе: вправе ли мы, в соответствии с УК РФ, привлечь его к уголовной ответственности, — очевидно, ответ будет положительным. А вот в оценке справедливости все не так однозначно.

¹¹ См.: Гоббс Т. Левиафан. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1936. С. 116.

Гоббс говорил о войне всех против всех применительно к отдельным субъектам. Между государствами, очевидно, происходит то же самое, только на другом уровне.

ствия закона в пространстве логично было бы руководствоваться универсальным правилом о том, что решения судов иностранных государств признаются нами лишь в части, не противоречащей нашему внутреннему законодательству. И международные договоры в исторической перспективе следовало бы рассматривать в качестве второстепенного источника для внутреннего применения. Если человеку свойственно ошибаться, то почему мы должны априори считать, что это российский законодатель, а не составитель международного договора?

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гоббс Т. Левиафан. М. Государственное социально-экономическое издательство, 1936.
2. Лукашук И. И. Международное право. Общая часть. М., 2005.
3. Evans Malcolm D. International Law. Oxford University Press, 2003.
4. O'Keefe R. Universal Jurisdiction: Clarifying the Basic Concept // Journal of International Criminal Justice. September 2004.
5. Shaw Malcolm N. International Law. Fifth ed. Cambridge University Press, 2003.